

Я закрыла глаза, а открыв, невольно сжала её руку:

— Даже если так, это слишком рискованно. А-Шао... она одна, на чужбине. Если что-то случится, выдержим ли мы гнев Луонань-гуна и Цуй Мин-дэ?

Дугу Юанькан и Цуй Мин-дэ, объединившись, меня, может, и не тронут, но А-Хуань — наверняка. Это понимала даже я, уж её-то и подавно. Но она лишь улыбнулась с безмятежной лёгкостью:

— Стремилась к доблести — и получила её. Чего же бояться?

Что такое любовь?

Даже после стольких лет с А-Хуань я всё ещё не могу дать ответ.

Если бы меня спросили, что такое «любить», я бы ответила быстро и уверенно. Это чувство, что порою сладко, порою горько, и не понять, отчего сладко и отчего горько. Это глупое состояние, когда сердце бьётся чаще, а мысли путаются без причины. Слово «любовь» необъяснимо, но тяжелее тысячи гирь.

Но что есть любовь сама по себе? Я не знаю.

В прошлой жизни кто-то говорил, что любовь — роскошь. Не каждому дано её обрести. Другие утверждали: стоит лишь подождать, и любовь сама найдёт тебя.

Должно быть, мне повезло оказаться среди последних.

Я не философ, не поэт, да и человек-то я не выдающийся.

Но когда я вижу любовь на лице А-Хуань, сердце моё превращает меня и в мудрейшего философа, и в самого верного поэта. Не знаю, мимолётный ли это порыв от умиления, но в этот миг я чувствую себя иной.

Любовь. Чем я заслужила такую любовь?

Чем я заслужила такую А-Хуань?

Я долго смотрела в её глаза, в её сияющие зрачки. Сердце бурлило, как кипящий источник, но я оставалась на удивление спокойна.

Рука моя коснулась её щеки, отведя прядь волос со лба. На ней был лёгкий макияж, лицо не белили, лишь подчеркнули естественное сияние кожи. Лоб и подбородок были твёрдыми, решительными, но ротик — маленький, а с ямочками на щеках выходило удивительно живо. Брови, тонко подведённые, находились где-то между девичьими и женскими, но ей это шло.

Когда я впервые заметила, что она так прекрасна? То ли в горячих источниках округа Жу, то ли ещё раньше. Как-то раз отец с Ли Жуем играли в ночное поло. Все смотрели с восторгом, а мне было скучно, я чуть не заснула. Матушка отправила меня назад на своём паланкине. Дорога была долгой, и я рассказывала служанкам сказки о лисьих духах. Рассказывала-рассказывала, да сама и увидела такого духа — А-Хуань стояла у дороги в простом шёлковом платье и смотрела в цветы.

Она и тогда была такой же стройной, но казалась выше. Я сидела на временном сиденье, что одолжила мне матушка, и едва достигала её уровня. Проезжая мимо, я разглядела в сумерках,

как её силуэт колыхнется на ветру — точь-в-точь как в моих историях. Сначала я подумала, что это стройная, ясная Цуй Вторая, но, приблизившись, узнала ту самую Вэй Четвёртую, что осмелилась палочками остановить меч Ли Жуя.

Ту самую Вэй Четвёртую, что так лихо играла в поло, которое мне было неинтересно.

Мне тогда было двенадцать. К Тан, в котором я прожила всю жизнь, я не питала особой любви. Всё делала спустя рукава: не любила читать, не любила ездить верхом, даже на поло смотреть не любила.

А сейчас до семнадцати мне осталось два месяца. Я люблю неспешно ездить по улицам Лояна, с первого взгляда замечая новые забавные безделушки. Стреляю я неважно, но могу скакать за зайцем. В поло играю по-прежнему плохо, но иногда забиваю гол-другой без помощи своего статуса. В Западной столице — храм Цзыньсы, в Восточной — Баодэсы, представления в обоих я пересмотрела почти все. Девять фамилий Сяоу — Кан, Ань, Цао, Ши, Ми, Хэ, Хосюнь, Уди и Ши. Четыре отделения Цзяофан — фацуй, цинъюэ, хубу и цуйцы...

А-Хуань помогла мне стать частью этой эпохи.

А-Хуань заставила меня полюбить Тан.

Если говорить о сути, то А-Хуань и есть моя суть.

В первый год Вэньмин вспыхнули мятежи. В конце октября, когда округ Ци ещё не был отбит, в округе Ян начались волнения. Сюй Цзинье объявил, будто Ли Шэн жив, провозгласил его своим знаменем, разослал воззвания по всем округам и уездам, назвал себя главнокомандующим восставших и правителем Янчжоу, собрал более ста тысяч мятежников.

Матушка отнеслась к этому восстанию с величайшим презрением. Она приказала громко зачитать на большом собрании «Воззвание против госпожи У» — текст, слегка отличавшийся от оригинала, — а затем равнодушно изрекла: «Стиль хорош. Не использовать такого человека — вина министров». Министры во главе с Пэй Янем вышли и поклонились в знак вины. Но матушка, восседая за троном, лишь усмехнулась: «Впрочем, это всего лишь литературный талант. Годится для писца, не для министра». Легким движением руки она отмахнулась от этого дела, а заодно и от мрачных слухов о двух мятежах. Боевой дух в стране взлетел, и смута в округе Ци была подавлена в мгновение ока.

В начале ноября Дугу Юанькан вернулся с триумфом. Ещё до его прибытия пришли две докладные записки: одна — о награждении подчинённых, другая — о собственном проступке. Лично доставил их вассал Дугу Юанькана Хулюй Чжун. С ним вместе в город въехала и Дугу Шао, генерал Юцзи, что в одиночку проникла в осаждённый город, возглавила семьсот горожан и слуг, месяц держала оборону против тысяч мятежников, дождалась подкреплений и первой ворвалась в Личэн.

Дугу Шао въехала в Лоян лёжа. Не оттого, что была ранена в тридцатидневном бою, где участвовала в семидесяти стычках, а потому, что её командующий, генерал Чжэньцзюнь, главнокомандующий войсками четырёх округов, шанчжугу и удельный князь Луонань Дугу Юанькан обвинил её в неповиновении приказу и самовольных действиях, принародно наказал сотней ударов и отправил в столицу для суда.

Весть застала Цуй Мин-дэ у меня за «чаепитием». Услышав донесение, она сохранила обычное спокойствие и даже сочла нужным пояснить:

— Это способ Луонань-гуна избежать напасти. Отец не станет бить дочь всерьёз, не тревожьтесь.

Но после этих слов она просидела с чашкой свежезаваренного горячего чая в руках целых пятнадцать минут. Ладони её покраснели от ожога, но она, казалось, ничего не чувствовала.

Я хотела навестить Дугу Шао сама, но награды и наказания ещё не были объявлены, и ехать без разрешения было неловко. Тогда я послала Сяньсянь с четырьмя-пятью служанками, снабдив их лекарствами и подарками, и приказала дворцовым слугам и страже Цзиньфу сопровождать повозку — от моего имени. В такое время я хотела показать свою открытость и искренность, потому и устроила всю эту показную пышность. Одни подарки готовила два дня. Убедившись, что матушка не высказала неодобрения, я со спокойной душой велела выдать пропуск и с помпой отправила посольство из дворца.

Едва Сяньсянь успела уйти, как служанки доложили: «Княгиня Лулин с Даланом пожаловали». Я с радостью вышла встретить, взяла Шоули на руки, показала ему новый набор куколок, что смастерила. Тут же явились сказать: «Госпожа Цуй Вторая с визитом». Вместе с А-Хуань я приняла её, обменялась парой ничего не значащих фраз. Чай и угощения ещё не успели подать, как с переднего крыльца доложили: «Шангун Хэлоу прибыла». Я взглянула на А-Хуань. Та, прижимая Шоули, с улыбкой сказала:

— Принимай. Думаю, сегодня будут не только они.

Не успели её слова прозвучать, как снаружи объявили о нескольких женщинах-чиновниках, с которыми у меня были приятельские отношения. Они вошли вместе с госпожой Хэлоу. Каждая говорила, что давно меня не видела, и пришла навестить. Заведующая экипажами спрашивала, удобна ли моя колесница, не нужно ли осмотреть, не облупилась ли краска. Заведующая гардеробом говорила, что зима близко, хватает ли мне одежды, какие узоры предпочитаю — прикажи, и сделаем. Заведующая чаем и угощениями интересовалась аппетитом и принесла несколько редких яств. Во всём дворце, кроме матушки, у меня больше всего вещей и самые лучшие припасы — даже Ли Дань не устаивался такой заботы. Но судя по их речам, можно было подумать, будто я — забытая наложница из холодного дворца, что внезапно вознеслась, и они осыпали меня пустыми любезностями, словно те ничего не стоили.